

Москвояеды / рассказ

Category: Некауалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Москвояеды / рассказ МОСКВОЕДЫ

Колян и Аверьян соседи, не совсем, но все-таки – живут в разных подъездах, но в одном доме обшарпанной пятиэтажки в Марьиной Роще. У Коляна двухкомнатная квартира, обставленная румынской мебелью. Над кроватью висит картина с видом Венеции, ее подарил ему сын, когда они еще общались, сказал, что купил на вернисаже. Соврал, наверно, купил где-нибудь на рынке. Он с детства был вруном – прогуляет школу, а скажет, что помогал тушить пожар или задерживать преступника. Доврался до того, что, будучи женатым, женился во второй раз, завел детей от новой жены, а разводиться с прежней не стал – там квартира на Чистаках, машина и дача в Малаховке. И тогда Колян ему сказал: «Не разведешься – ты мне не сын», а тот отцу ответил: «Ты меня, батя, за идиота, что ли. держишь? Ну, куда я от законной жены, к чужой бабе с двумя выблядками?» И тогда Колян навсегда зарыл перед ним двери своей квартиры и вычеркнул его номер из записной книжки.

Случилось это еще при жизни супруги. Она не поняла Коляна, и украдкой от мужа перезванивалась с сыном, но и незаконных внуков не оставляла без внимания, то деньжат им подкинет, то гостинцев. А после смерти жены Колян сам платил им «элементы», как он в шутку называл свои переводы.

Зарабатывал он хорошо и мог себе это позволить. Тридцать лет он проработал парикмахером в гостинице для офицеров Советской Армии. Даже генералы ходили стричься исключительно к нему.

День Коляна начинался с чашки крепкого кофе и последних известий по телевизору. Потом он надевал брюки цвета хаки, такого же цвета рубашку и жилет с множеством карманов, куда он клал всё, что нужно: бутылочку минералки, лекарства, бумажные салфетки и шел будить Аверьяна.

А тот привык к богемному образу жизни – ложился за полночь и поздно вставал. Родился он в деревне под Тулой и с сельским

трудом был знаком с детства и, может быть, поэтому так его невзлюбил – его призванием была музыка. После школы он окончил музыкальное училище в райцентре по классу баяна и сразу же был принят в ансамбль народных инструментов. С этим ансамблем он объездил множество городов, названия которых даже и не помнил, бывал на гастролях и за границей.

Семьей Аверьян так и не обзавелся, все его отношения с женщинами сводились к легкому перепихону на гостиничных койках, но он всегда хотел нравиться – модно одевался, насколько позволяли средства, и следил за своей внешностью. Перестройка подкосила его и без того не бог весть какое благосостояние. Одно время ему даже приходилось играть в подземном переходе у Курского вокзала. Потом друг пригласил его лабать в шашлычной на Дмитровке, а там и пенсия подоспела. Он продал баян, купил кроссовки, кожанку, рюкзак с лейблом швейцарской армии и занялся «краеведением», как любил называть это хобби Колян.

Пока Аверьян приводил себя в порядок после сна, Колян, сидя на кухне перед стаканом остывшего чая, разглядывал плакаты на стенах – парней и девушек в псевдорусских костюмах. Где тут Аверьян? Ах, вот он, с чубом из-под фуражки с лакированным козырьком, развернул во всю ширь меха баяна и лыбится, как блин на сковородке. А это что за молодка рядом в кокошнике?

Когда друг, наконец, был гладко выбрит и одет по моде – в джинсах, кроссовках и с рюкзаком за спиной, они выходили во двор, здоровались с дворничихой Азизой и шли по своим делам. Их можно было принять за отставных военных – двух подтянутых, еще не старых пенсионеров, или за туристов – один с рюкзаком, другой в жилетке с карманами и оба в кроссовках, но они не были ни военными, ни туристами. Они были охотниками и предметом их охоты были не зайцы и не утки и даже не перепела, а бесплатные завтраки, обеды и ужины.

Нет, они не настолько нуждались, чтобы побираться. На свои пенсии они вполне могли прожить достойно, поесть дома сытно и даже с пивом по выходным, но каждый день по утрам они выходили из дома, здоровались с Азизой, и шли туда, где их ждал бесплатный стол, накрытый доброхотами.

– Куда сегодня? – спрашивал Аверьян. – К староверам или к Арчилу?

– Да ну их, этих еретиков, – возражал Колян. – Перед щами крестись, перед кашей опять крестись и непременно двумя перстами.

– Зато щи у них знатные, наваристые и со свининкой, не то что в столовке на Ордынке.

– А если пост? Нет, уж лучше к Арчилу – чохохбили, сациви, может на хинкали расщедрится, и никаких божей за столом.

Друзья предпочитали есть только там, где собиралась чистая публика – временно безработные интеллигентные старики и старушки, куда грязных и вонючих бродяг не пускали. У тех были свои места кормежки – скверы, вокзалы.

Они уже знали, где чем кормят, и заранее определяли свой маршрут; завтрак у Арчила, обед в «Добродомике», ужин... До ужина доходило редко – все-таки сказывался возраст, так что чаще всего перекусывали уже дома чем попало.

У Арчила уже были накрыты столики во дворе. Летом, если погода была хорошая, нахлебников кормили во дворе, а зимой в подвале. За столиками восседали все знакомые персоны: корректорша Тюльпанова в шляпке с перышком, бывший мент Ключарев, водила Толик и прочие личности пенсионного возраста. Из новеньких были очкарик и негр.

Официантка Манана, то ли дочь, то ли племянница благодетеля, принесла яичницу, хачапури, сациви и блюдо с зеленью. Запить все это предлагалось мацони из глиняного кувшина.

– Сегодня не густо, – шепнул Колян на ухо другу. – Надо было все-таки идти к староверам, там, наверно, дают блины с рыбой.

– А я люблю кавказскую кухню, – ответил Аверьян, не переставая жевать.

– Вот ты весь Союз объездил со своим ансамблем, за границей бывал, чего только ни попробовал. А какое блюдо самое вкусное?

– Мы как-то застряли в Ельце, деньги кончились, три дня ничего не жрали, и тут нам вдруг подкинули по червонцу на брата. Мы – в магазин, взяли пол-литра, а закусить-то нечем, в магазине хоть шаром покати, только студень грязного цвета. Мы просим продавщицу свешать нам полкило, а она: «Не берите, ребята,

сдохнете». Но мы все равно взяли, растопили в чайнике и выхлебали все за милую душу. Ничего вкуснее я с тех пор не ел.

– Это хаш называется, – встрял в разговор очкарик. – Кавказцы его с утра едят, чтобы снять похмелье. Но только зимой и с водкой, никакого коньяка или вина – только водка.

– Так водкой и без хаша можно опохмеляться, – возразил мент Ключарев.

– Не тот эффект, – сказал очкарик. – Крепкий мясной бульон – это заряд энергии на весь день. Кавказцы в этом толк знают.

– А какое самое экзотическое блюдо из тех, что ты пробовал? – спросил Колян друга после некоторого перерыва, заполненного энергичным жеванием.

– Ел в Перу морскую свинку?

– Фу, – поморщилась Тюльпанова. – Крыса.

– Иди ты! – восхитился Ключарев. – И как на вкус? Похожа на нашу свинину?

– Нет, скорее крольчатина. Но я не слишком разобрал, больно много перцу наложили. Помню только, что лапки были с когтями.

– Фу, – поморщилась Тюльпанова, – гадость какая.

– Это что! – опять вмешался в разговор очкарик. – Я вот ел мясо мамонта. Ребята-геологи привезли из экспедиции кусок мамонтины. В вечной мерзлоте туши доисторических животных хорошо сохраняются.

– И как на вкус? – спросил Аверьян.

– Как будто дерево жуешь, – рассмеялся очкарик. – А что вы хотите от мяса, которое пролежало в земле десять тысяч лет.

– Во дает, – сказал водила Толик. – Я теперь всем скажу, что знал человека, который съел мамонта.

После завтрака друзья пошли на набережную. Там было весело: солнце кувыркалось в воде, по реке туда-сюда сновали прогулочные теплоходы с забавными названиями: «Василек», «Танго», «Карась»... И каждый вез свою музыку.

Был тут у Коляна с Аверьяном свой, любимый теплоход «Счастье», но на сей раз он так и не появился, зато мимо проплыла белоснежная «Удача».

– Вот объясни мне, почему так получается? – сказал Колян,

когда «Удача» скрылась за поворотом реки. – Ты всю жизнь играл людям музыку и Ростропович играл, но ты вот едва сводишь концы с концами на пенсии, а у него всемирная слава и деньги?

– Он гений, а я лабух. Я, может, тоже стал бы лауреатом, но разменял свой талант на мятые червонцы. Он играл Чайковского, а я лабал буги-вуги на свадьбах – «В Истамбуле, в Константинополе шли ослы и ушами хлопали» или «Мы идём по Уругваю, ночь хоть выколи глаза, слышны крики попугаев, обезьяньи голоса». А в кабаке, сам понимаешь, какие у публики вкусы. Подходят как-то две девчонки лет так по восемнадцать: «Дядя, пожалуйста, нам что-нибудь молодежное» – «А конкретнее?» – «Ну, хоть Владимирский централ». А то еще какой-то промысловик с севера протягивает триста рублей: мне и говорит «Олонхо» исполни. А я понятия не имею, что это такое. Напой, говорю. Он напел, а я думаю: «Ни хрена себе, такое повторить невозможно, потому что там мелодии вовсе нет». Хорошо, говорю, давай ноты. У него, естественно, нот не было, но он согласился на «Ламбаду».

– А классику играть не приходилось?

– А как же, полонез Огинского был в репертуаре и свадебный марш Мендельсона. Но это ведь тоже попса. Нет, дружище, одним кораблям на роду написано бороздить океаны, а другим катать по реке экскурсантов. Я никогда не жалел о том, что не стал солистом филармонии. Жизнь у меня удалась.

Так они сидели на лавочке с видом на Москва-реку, любовались теплоходами, вспоминали прожитые годы, пока не пришло время обеда. Тут выбор у друзей на сегодня был небольшой: к олигарху Агаларову в кафе «Добродомик» в Тушино или в столовку в еврейском центре на улице Образцова.

В Тушино подавали простую еду: салат «Мимоза», щи или борщ, котлеты с картофельным пюре и компот из сухофруктов. Вкусно, но скучновато. У евреев можно попробовать форшмак, бульон с мацой, куриные шейки, фаршированную рыбу, а если повезет, то и вишневый штрудель. Смущало только то, что большинство посетителей было в кипах, и друзья в их обществе чувствовали себя немного голыми. Это-то и определило выбор – решили все-таки ехать в Тушино.

У Агаларова был полный аншлаг – над каждым столиком седые головы, слегка разбавленные лысинами.

– Сюда, мальчики! – помахала им рукой Тюльпанова.

– Гляди, какая шустрая, – сказал Аверьян. – Наш пострел везде поспел. Сдается мне, что она на тебя глаз положила. А что, женщина интеллигентная, не хабалка какая-нибудь. Чем тебе не жена? Я вот всю жизнь один, а ты человек семейный, тебе без хозяйки нельзя. Я же вижу, как ты токуешь по своей Антонине.

– Так-то Тося, а эта только и знает, что строит из себя принцессу на горошине, опять же готовить не умеет, не зря же по столовкам ошиивается. А Тося какие пироги пекла, а рассольник!.. Ну ее, эту Тюльпанову, пойдём в другой зал.

– Ну, допустим, Тюльпанова тебе не нравится, а Азиза? Всё при ней: и видная, и работающая, и готовить умеет, помнишь, какими беляшами нас угощала?..

– Так ведь она татарка.

– Ну и что?

– А то, что сами татары говорят: тому, кто женат на татарке, на том свете обеспечен рай за те страдания, которые он от нее претерпел на этом свете. Больно въедливые дамочки.

– Так ты же не татарин, чего тебе бояться? Не бери в голову, бери в рот, как говорила наша вокалистка Лиля Фридман. Вот оторва была, со всем оркестром переспала. А Азиза женщина серьезная – не пьет, не курит, мужиков к себе не водит. Женись – не пожалеешь.

– Тебе легко говорить, у тебя этих баб, наверно, больше сотни было, а я всю жизнь прожил с одной женщиной, и для меня брак – это святое. У нас у парикмахеров лозунг, как у врачей: не навреди, то есть, если клиент доверил тебе голову, то уж, будь любезен, сделай ему красиво.

– Ну, тогда не женись.

– Отчего же не жениться. Вот сейчас приедем и пойдём свататься, а завтра в загс.

– Но у нас ведь на завтра есть талоны на обед в ресторане на Покровке.

– Ну, тогда, выходит, не судьба мне жениться. Мы ведь с тобой москвоведы, нам некогда заниматься глупостями.

– Точнее будет сказать, москвояды.

Об авторе: АНДРЕЙ ЕВПЛАНОВ

Родился и живет в Москве. Прозаик и журналист. Работал в газетах «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Российская газета». Член Московской организации Союза писателей. Литературная деятельность начиналась с публикаций в журналах «Новый мир» и «Октябрь». Автор книг «Чужаки» («Современник». 1990), «Змеюка на груди» («ЭКСМО-Пресс». 2000), «Коллекционер» (ДПК – Пресс. 2013), «Самостоятельные женщины и их мужчины» («Москва». 2018) и «Голый» («Москва». 2020). Его повесть «Индонезия» включена в сборник русской классики, который вышел в Малайзии. Переводил стихи нобелевского лауреата Виславы Шимборской. Neкаýalar